

ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ*

Е.Н. ШАПИНСКАЯ

Формы власти в культуре и обществе многообразны, от прямого принуждения и насилия вплоть до внешне свободного выбора в различных жизненных ситуациях, в основе которого лежат скрытые властные стратегии манипулирования. В любом случае там, где есть власть, присутствует и сопротивление, составляя одну из базовых оппозиций культуры, проявляющихся на всех уровнях социума, начиная с крупных социальных формаций и вплоть до межличностных отношений. Мы остановимся на специфике властных стратегий современного общества и на тех формах, которые приобретает сопротивление в различных культурных пространствах, в частности, в субкультурах.

Идея, что власть является частью духовных структур общественного целого и, соответственно, детерминирована исторически и связана с различными телесными практиками той или иной эпохи, принадлежит М. Фуко. Власть нельзя рассматривать вне контекста ее практик, поскольку универсальные характеристики власти трудно поддаются определению. «Теория власти как основа глобального политического анализа еще не создана, и все реальные проявления власти продолжают и по сей день оставаться чем-то загадочным, непознанным, даже демоническим»¹.

Для современного общества (во всяком случае, западного, и в значительной степени российского), провозглашающего идеалы демократии и равноправия, власть часто становится «социально невидимой», рассеивается по социальным институтам и культурным пространствам, осуществляется на макро- и микроуровнях. На этих уровнях ведется и борьба с властью, что в этом случае приводит к успеху «на уровне борьбы с внешними формами власти (насилие, репрессии, закон), и на уровне борьбы с внутренними, т.е. такими формами власти, которые с самого начала имманентны знанию, производимому интеллектуалом»². В своих исследованиях Фуко приходит к выводу, что надо отойти от традиционного рассмотрения власти-закона, власти-суверенитета. Исследование различных проявлений власти в культуре, не носящих репрессивного характера, но, тем не менее, накладывающих различные ограничения на культурные практики, может быть весьма полезным в расширении традиционного понимания власти. Такое расширенное определение предлагает и Фуко, отказываясь от традиционной концептуализации власти исключительно в терминах господства/подчинения. «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации... наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают

---

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Культура и власть», грант № 12-03-00095.

своей действенности»³. Основываясь на этом определении, можно выделить определенные области культуры и рассмотреть, каким образом проявляются в них «отношения силы». С другой стороны, формы сопротивления, часто принимающие форму разнообразных, иногда одиозных культурных практик, могут многое сказать как о модификациях власти в условиях глобализирующегося плюралистического общества, так и о самом характере «посткультуры», где многие традиционные бинаризм уже не работают.

Мы выделили такие пространства современной культуры, как популярная культура, культура повседневности и субкультуры с целью проанализировать специфику проявлений в них власти и форм сопротивления. Мы осознаем, что лишь очень кратко можем обрисовать эти отношения в небольшой статье, но полагаем, что каждое направление включает в себе значительный исследовательский потенциал.

Популярная культура как пространство сопротивления

На первый взгляд может показаться, что популярная культура находится целиком под властью культурной индустрии, которая навязывает массовому потребителю свои стереотипы, ценности и мифологемы⁴. Но такой взгляд, весьма распространенный в культурологической рефлексии по поводу популярной культуры, не однозначен и может быть поставлен под вопрос. Совершенно другое видение популярной культуры предлагает столь видное направление в исследовании современной культуры, как *cultural studies*. С. Холл, глава этого направления, делает основной акцент на масс-медиа, которые в течение XX в. колонизовали культурную и идеологическую сферу и получили лидерство, гегемонию, доминацию. Они вмешиваются в сложность современной жизни, классифицируя имиджи внутри определенных значений и интерпретаций. Плюрализм ведет, в конечном итоге, к производству консенсуса, а медиа воспринимаются как сложное единство, которое возникает из связи медиа и общества в целом. Как утверждает С. Холл, медиа структурированы в доминантности. Вывод, который он делает относительно медиа – это то, что они постоянно репродуцируют идеологическое поле общества таким образом, чтобы репродуцировать также его структуру доминации.

Согласно *cultural studies*, производство различных форм популярной культуры может давать власть тем, кто находится в подчиненном положении, и сопротивление доминантному пониманию мира. Это положение в корне отличается от мнения многочисленных критиков популярной культуры, которые упрекают ее в том, что она создает пассивного потребителя.

Среди исследователей популярной культуры, работающих с позиций *cultural studies*, следует выделить Дж. Фиске. В своей работе «Понимание популярной культуры» он противопоставляет два подхода, распространенных в западной литературе последних десятилетий XX в. С одной стороны, в противовес тотальной критике, началось восхваление массовой культуры, которое игнорировало властные отношения,

с другой стороны, столь важное место уделялось силам доминации, что становилось сомнительным, могла ли вообще существовать «подлинная» популярная культура. Фиске предлагает третий подход, который «представляет популярную культуру как жизненную и творческую, и все же всегда укорененную в области борьбы»⁵. Этот подход рассматривает популярную культуру как «прогрессивную», хотя и не «радикальную» в смысле фундаментального вызова капиталистическому обществу.

В «Понимании популярной культуры» значительное внимание уделено проблеме власти. Фиске считает, что в Британии, Австралии и США люди живут в индустриальном обществе с индустриальным пролетариатом. Эти общества в своей основе идентичны, так как у них общая идеология, которую можно определить как «белую, патриархатную, капиталистическую». В противоположность власти имущим существуют обычные люди, «народ», который не составляет стабильную социологическую категорию. Объединяющей силой народа является, по мнению Фиске, сопротивление «блоку власти». «Народ» выражает свое сопротивление созданием популярной культуры, культуры лишенных власти и подчиненных. Власть имущие могут пытаться инкорпорировать эту популярную культуру, но такое «присвоение» популярного всегда будет лишь частичным. Популярная культура всегда находится в процессе борьбы с доминацией, ведя своего рода «семиотическую партизанскую войну». Обычные люди («народ») сами придают значения товарам, шоу-бизнесу и звездам, которые им нравятся, и получают от них удовольствие. Сама популярная культура также внутренне противоречива, так как то, чему она сопротивляется, присутствует в ней самой. Она всегда содержит в себе следы доминации. В любом тексте массовой культуры мы можем выделить элементы доминантной системы и «оппозиционные» элементы. Но читатели, склонные к доминантному прочтению, не являются частью популярной культуры. Принимая во внимание эту оппозицию в восприятии текстов, Фиске утверждает, что «популярная культура всегда на стороне подчиненных», так как она «формируется как реакция на силы доминации, но не как их часть»⁶.

Анализ Дж. Фиске различных текстов популярной культуры представляет немалую ценность для современного читателя, так как она бросает вызов все еще распространенному взгляду о пассивности массовой аудитории в потреблении продуктов культурной индустрии. Его работы направлены на то, чтобы изменить направление исследований массовой культуры в сторону ее восприятия различными социальными группами, выяснения особенностей процесса смыслопроизводства, причин популярности или неудачи того или иного продукта на культурном рынке. Потребители массовой культуры могут выразить свое неприятие образцам, которые им предлагает культурная индустрия, или же, напротив, обеспечить кассовый успех не слишком обещающему продукту, выражая таким образом сопротивление «навязыванию», рекламе, всему арсеналу средств культурной индустрии, власть которой, как бы ни была она велика, всегда находится под вопросом, создавая зону напряжения между производством культурного продукта и его судьбой в обществе массового потребления.

Формы сопротивления в культуре повседневности

Ряд современных концепций повседневности, в особенности основанных на марксизме, рассматривают повседневность как пространство диалектического напряжения между угнетением и сопротивлением. Тема детерминации сознания получила развитие в критической теории поздней «современности» по той причине, что она предложила способ интерпретации культурных изменений. Британский социолог Р. Силверстоун сформулировал позицию неомарксизма по отношению к повседневной жизни: «Рабочего соблазняют ложными реальностями (или реальной ложью) культуры повседневной жизни и заставляют верить в свою собственную свободу и аутентичность»⁷.

Общепринятое понимание форм реальности рассматривается в рамках этого подхода как идеологическое, так как эти формы работают на поддержание социального и культурного консенсуса. Эта позиция выражена известным французским исследователем А. Лефевром, который утверждал, что нельзя воспринимать повседневность пассивно — она должна быть рассмотрена в определенной перспективе⁸. Лефевр, по сути дела, создает критическую историю повседневности. Он считает, что в культуре возникло общее чувство бессмысленности, размножение знаков и означаемых, которые не могут компенсировать общий недостаток значения. Для Лефевра неадекватность современной культуры коренится в том факте, что она является идеологическим фасадом того, что он характеризует как бюрократическое общество контролируемого потребления. Критика повседневности является, по сути дела, критикой отчуждения и отсутствия аутентичности, присущих культуре потребления (что связано с общей критикой массового общества и массовой культуры). Критическое отношение неомарксистов к повседневной культуре современности выявляет причины отчуждения в современной жизни, находя их уже не в трудовых отношениях, а в отношениях потребления. Повседневной жизни придается сложная медирующая роль, поскольку считается, что именно институты массовой культуры и консьюмеризма составляют общество спектакля — хотя они проявляются в обыденных практиках, способы потребления указывают на сопротивление идеологическим режимам и выход за их границы.

Важной вехой в исследовании повседневности как пространства властных отношений стала работа французского историка М. де Серто «Практика повседневной жизни»⁹. Работа де Серто полна метафор, касающихся конфликтов повседневной жизни — стратегия и тактика, партизанская война, которые основаны на предположении, что власть имущие лишены воображения и слишком жестко организованы, в то время как слабые креативны и гибки. Таким образом, слабые используют партизанскую тактику против стратегий сильных, совершают «налеты» на их тексты или структуры и постоянно используют трюки с системой. Власть имущие конструируют пространства, где они могут использовать свою «силу» — города, торговые центры, школы, рабочие места, дома. Слабые создают внутри них свои собственные пространства, присваивая их на время, передвигаясь через них, занимая их настолько, насколько это им нужно.

Стратегия власть имущих пытается контролировать пространства и товары, которые составляют параметры повседневной жизни. Но находясь в каком-либо пространстве, созданном властью, даже временно, слабые его «присваивают», так как практики нахождения в нем принадлежат этому «временному жильцу. Лефевр сходится во мнении с де Серто, когда использует различие между принуждением и адаптацией, чтобы указать на оппозицию между стратегией власть имущих (принуждение) и тактикой слабых (адаптация). Лефевр противопоставляет рутине повседневной жизни со всеми ее утомительными задачами и унижениями «власть повседневной жизни», манифестации которой включают «адаптацию тела, времени, пространства, желания, окружающей среды и дома, совпадение потребности с удовлетворением, и, менее часто, с удовольствием»¹⁰. Де Серто делает больший акцент на сопротивление со стороны народа и утверждает, что культура повседневной жизни коренится в «адаптации» или «способе использования навязанных систем». По его мнению, ключевыми словами, характеризующими тактику повседневной жизни, являются «адаптация», «манипуляция» и «трюкачество». Люди должны обходиться тем, что они имеют, и повседневная жизнь представляет собой искусство такого удовлетворения запросов.

Субкультуры и их протестный потенциал

Среди выделенных нами пространств сопротивления субкультуры наиболее манифестны, с точки зрения их протестного потенциала, принимающего нередко экстремальные формы выражения. Несмотря на декларируемый членами субкультурных сообществ протест против культурного мейнстрима, понять, против чего же направлена субкультурная активность, какие формы власти порождают экстремальные формы самовыражения (особенно со стороны молодежи) далеко не просто. Обратимся к исследованиям субкультур, которые начали активно проводиться во второй половине XX в. и прежде всего в рамках *cultural studies*. Особое значение приобрела работа «Сопротивление через ритуал», редактором которой являлся С. Холл¹¹. Эта работа положила начало множеству исследований, в которых стиль стал ключевым понятием в анализе молодежных субкультур. Ключевым в данном подходе является само понимание культуры как определенного уровня общественной жизни, на котором социальные группы развивают отчетливые паттерны жизни и дают экспрессивную форму своему социальному и материальному опыту. Этот материальный опыт изменяется в соответствии с историческими условиями и, соответственно, является «ответом» на различные социокультурные контексты, что ставит ту или иную субкультуру в разное положение в отношении существующих культурных формаций (культуры иммигрантов, других субкультур, доминантной культуры).

Понятие субкультуры применяется, прежде всего, для определения видимого и символического сопротивления реальной или кажущейся субординации, и это использование проясняет идеологические и материальные реакции таких разнообразных групп, как этнические меньшинства, бедные, молодежь, женщины, «девианты» и т.д. Наибольшее

развитие понятие субкультуры получило в исследованиях, посвященных различным группам молодежи, где субкультурные реакции наиболее заметны (панки, скинхеды, хиппи и т.д.).

Члены субкультуры участвуют в доминантной культуре, и в то же время практикуют специфические формы поведения. Часто субкультура имеет свой жаргон, который отделяет ее от остальной части общества. Он позволяет членам субкультуры понимать слова, имеющие отличающееся от общепринятого значения. Он также устанавливает модели коммуникации, которые не могут быть поняты «чужаками». В молодежных субкультурах, для которых характерны наиболее яркие формы самовыражения, как правило, происходит отклонение от общепотребительных норм, которое вносит «семантический беспорядок» в упорядоченное социокультурное существование общества. Как отмечает С. Холл, новые субкультурные проявления являются одновременно драматичными и бессмысленными внутри общепринятых норм, они бросают вызов нормативному миру. Они делают проблематичным не только то, как мир определяется, но и то, каким он должен быть¹². Одним из особенно заметных явлений представляется нарушение норм языка в субкультурных жаргонах, которое всегда связано с идеей нарушения социального порядка. Границы приемлемого лингвистического поведения предписаны рядом табу, которые гарантируют «прозрачность» значения. Нарушение этих табу становится одним из стилевых признаков субкультуры и одновременно кодом, который позволяет членам группы создать свое семантическое пространство. Необходимо отметить, что в последние десятилетия XX в. происходит «лингвистический обмен» между доминантной культурой и субкультурами, и множество субкультурных лингвистических проявлений легитимизируется, указывая на размытость норм в обществе в целом, а не только в отдельных субкультурах. Субкультурные стили уже не являются принадлежностью определенных групп, обладающих отчетливой самоидентификацией, но проникают в самые разные слои общества в той или иной форме, в лингвистическом «хулиганстве» или в модной детали одежды. Причину этого явления надо искать не столько в «моде» на субкультурные стили и их привлекательности для различных групп (не только молодежи), но, скорее, в самом характере современной массовой культуры, которая легко апроприирует самые разные культурные явления, превращая их в предметы культурной индустрии и извлекая из них определенную прибыль. До тех пор как субкультурные стили и ценности могут приносить прибыль, они тиражируются и рекламируются массовой культурой, сменяя друг друга с быстротой и непредсказуемостью, характерной для постсовременной фазы культуры.

Тем не менее, существует и негативная реакция на субкультурные манифестации, особенно в период зарождения определенной субкультуры. Но то, что вчера было предметом осуждения, становится сегодня обычными предметами потребления, лишая, таким образом, субкультурные символы их значения и цели. По мнению известного британского исследователя современной культуры Д. Хебдиджа, «вызов гегемонии,

который представляют субкультуры, не является прямым. Скорее, он выражается косвенно, через стиль»¹³. Эти противоречия проявляются на внешнем уровне, на уровне знаков. Задачей исследователя в данном случае является различить скрытые сообщения, заключенные в коде, лежащем в основе «блестящих поверхностей» стиля, проследить их как «карты значений», которые имплицитно репрезентируют те самые противоречия, которые они стремятся разрешить или скрыть.

Субкультуры оказываются инкорпорированными в доминантную культуру, что отражается в оценках данной субкультуры в масс-медиа. Эти оценки сочетают в себе шок и осуждение с увлеченными описаниями и восхищением новейшими стилями и ритуалами. Стиль провоцирует двойную реакцию — с одной стороны, он может вызывать восхищение и даже переходить в высокую моду, с другой — вызывать отрицательную реакцию, особенно у тех авторов, которые рассматривают деятельность многих молодежных субкультур как социальную проблему.

Согласно концепции Д. Хебдиджа, в большинстве случаев внимание масс-медиа прежде всего привлекают стилистические инновации субкультуры. Затем раскрываются девиантные или анти-социальные акты, такие, как вандализм, драки и т.п., причем они используются официальными органами как объяснение первоначальной трансгрессией субкультурой установленных культурных кодов. В то же время продолжается процесс «легитимации» субкультуры, которая начинает входить в более широкое пространство массовой культуры со своими рыночно прибыльными артефактами, со своим «словарем», как визуальным, так и вербальным. В результате субкультуры, которые вначале производили шокирующий эффект, инкорпорируются, находят свое место на карте нашей проблематичной социокультурной реальности. Что касается масс-медиа, то они, по мнению С. Холла, не только показывают сопротивление молодежной субкультуры, но и помещают его в доминантную систему значений. Таким образом, происходит постоянный процесс восстановления нарушенного порядка, а субкультура инкорпорируется в качестве отвлекающего зрелища в доминантную мифологию, из которой она, собственно, и возникает.

Если западные исследования, посвященные молодежным субкультурам, достигли высокого уровня теоретического обобщения и накопили богатейший эмпирический материал уже в 1970-е гг., о чем свидетельствует сделанный нами выше обзор наиболее заметных направлений этой тематики, то в отечественной литературе обращение к субкультурной тематике происходит позднее. В многом это было обусловлено спецификой социальной реальности советской эпохи, когда субкультурные проявления рассматривались как чисто отрицательное явление, заимствованное с Запада и, соответственно, не нуждающееся в серьезном исследовании. Субкультурная активность советской молодежи была, действительно, в какой-то степени заимствована с Запада, но такое заимствование носило весьма ограниченный характер, так как мощное давление идеологических аппаратов не давало возможности открыто проявлять экзотические субкультурные стили. Даже само слово «стиль» получило в советском

обществе негативные коннотации в его производном — «стиляги», обозначающее людей, «которые, по их собственному выражению, “давили стиль”, вопреки навязываемому сверху аскетизму, обязательной серости и незаметности в одежде, поведении и образе жизни»¹⁴. По мнению Л. Ио-нина, роль стиляг в отечественной истории недооценена. Если широко известные «шестидесятники» были конформистами, которые, стремясь улучшить социализм, действовали в его рамках, хотя и стремились к определенным реформам, «стиляги» бросали вызов советской жизни и идеологии, который осуществлялся через стиль жизни.

В постсоветский период развитие молодежных субкультур начинает идти быстрыми темпами, причем одновременно внимание как социума, так и исследователей обращается и на другие субкультуры — этнические, криминальные, маргинальные. Высокая степень эпатажности в стиле жизни и поведения участников многих молодежных субкультур заставила исследователей склоняться к мнению, что «все очевиднее молодежная субкультура превращается в контркультуру со своими идеалами, модой, языком и искусством»¹⁵. «Контркультура — это субкультура, которая отвергает общественные нормы и ценности и практикует альтернативные жизненные стили»¹⁶. Контркультуры особенно распространены среди молодежи, которая внесла наименьший вклад в существующую культуру и, соответственно, не имеют с ней глубоких связей. Молодежь легче принимает новые культурные стандарты, чем те, кто уже привык следовать нормам доминантной культуры.

Временем наиболее интенсивного распространения контркультуры можно считать 60-е гг. XX в., когда часть молодежи отвергла технологию культуры западных стран. Вместо этого они стремились жить в культуре, основанной на более гуманистических ценностях, таких как любовь и гармония с окружающим миром. Иногда контркультура могла выступать и как политическая сила, как в случае выступлений американской молодежи против войны во Вьетнаме или советского молодежного андерграунда. С этой точки зрения многие молодежные культуры могут трансформироваться в контркультуры, если не происходит процесс их интеграции в потребительскую массовую культуру. С другой стороны, популярное мнение часто создает представление о контркультурном характере определенных молодежных групп, поскольку внешние проявления их сообщества и групповое поведение вызывают раздражение и недоумение у людей, не успевающих воспринимать общие изменения в социокультурном контексте эпохи, скорость которых в последние десятилетия необыкновенно велика.

Молодежные субкультуры — это неотъемлемая часть нашего быстро меняющегося мира, и они являются одним из самых заметных явлений, где сопротивление приобретает ярко выраженные формы. Остается вопрос — какие формы власти являются источником этого сопротивления в обществе, где процветает культурный плюрализм, а власть принимает подчас невидимые формы, отказываясь от давления даже на экстремальные проявления субкультурной активности, до тех пор пока не происходит явное нарушение закона. Эта вседозволенность и сверхтолерантность

ведет к тому, что молодежные субкультуры все быстрее становятся частью мейнстрима, а протестный характер их деятельности сохраняется только в ряде случаев, где сами участники деструктивных событий вряд ли могут сказать, против кого направлены их действия. Такое положение вещей наложило отпечаток и на рефлексию по поводу статуса субкультур в начале XXI в. Это выразилось в таком направлении, как постсубкультурные исследования, которые на данный момент активно развиваются на Западе. По сравнению с *cultural studies* авторы таких новых подходов предлагают осознание современных субкультурных форм как динамических объектов, которые не связаны четкими линейными взаимодействиями ни друг с другом, ни с доминантной культурой. Они представляются отчасти равноправными в общем культурном поле.

Рассмотрев некоторые пространства современной культуры с точки зрения появления в них властных стратегий и форм сопротивления, можно сказать, что концепция «рассеивания» власти М. Фуко вполне актуальна в начале XXI в. Культурный плюрализм легитимизирует различные социокультурные практики, которые еще недавно считались девиантными и подвергались репрессивным мерам со стороны дисциплинарной власти. Сегодня власть приобретает новые формы, но в любом случае она существует, даже если становится невидимой, и в этом случае более явные формы, которые приобретает сопротивление, могут многое рассказать о специфике властных отношений в обществе глобализации, культурного плюрализма и потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть. – М.: Наука, 1989. – С. 206.

² Там же. – С. 212.

³ Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1996. – С. 192.

⁴ Мы употребляем термины «популярная» и «массовая» культура в данной статье синонимически, хотя между ними, несомненно, существуют различия, не имеющие определяющего значения для данной работы. См. подробнее: Шапинская Е.Н. Очерки популярной культуры. – М., 2008.

⁵ См.: Docker J. Postmodernism and Popular Culture. A Cultural History. – Cambridge, 1994. – P. 160.

⁶ Fiske J. Understanding Popular Culture. – Boston, 1989.

⁷ Silverstone R. Television and Everyday Life. – L., 1994. – P. 161.

⁸ См.: Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. – L., 1971.

⁹ De Certeau M. The Practice of Everyday Life. – Berkley, 1984.

¹⁰ Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. – L., 1971. – P. 35.

¹¹ См.: Resistance Through Rituals / ed. S. Hall. – L., 1976.

¹² См.: Hall S. Deviancy, Politics and the media // Deviance and Social Control / ed. P. Rock. – L., 1974.

¹³ Hebdidge D. Subculture. The meaning of Style. – L.; N. Y, 1981. – P. 17.

¹⁴ Юнин Л.Г. Социология культуры. – М., 1998. – С. 161.

¹⁵ Там же. – С. 124.

¹⁶ Yinger J. Contrculture and subculture // American Sociological Review. 1960. № 25. – P. 625.

Аннотация

В статье рассматривается концепция власти М. Фуко с точки зрения специфики проявлений власти в современной культуре, а также порождаемых ими форм сопротивления. Выделяются культурные пространства, в которых эти формы выражаются в виде разнообразных культурных практик.

Ключевые слова: власть, сопротивление, пространство культурное, популярная культура, повседневность, субкультуры, культурная индустрия, протест, потребление.

Summary

Michel Foucault's theory of power is analyzed in the article from the point of view of the character of power manifestations in contemporary culture and the forms of resistance generated by them. Cultural spaces have been singled out where these forms are expressed in the form of various cultural practices.

Keywords: power, resistance, cultural space, popular culture, everyday culture, subcultures, cultural industry, protest, consumption.